

JEL classification: B14, B31, O11

УДК 330.8(571)

DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(4).652-676

Д.Я. Майдачевский

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Страница дисциплинарной истории политэкономии развития в России: сибирские лекции П.П. Маслова, Иркутск — Томск, 1914 г.

Аннотация. Статья реконструирует на первый взгляд малозначимое событие сибирской истории — публичные лекции, прочитанные в марте 1914 г. в Иркутске и Томске известным публицистом и экономистом Петром Павловичем Масловым. Будучи, однако, помещено в контекст дисциплинарной истории отечественной экономической науки и научной жизни главного героя, событие это приобретает совершенно иное значение, по сравнению с тем, что приписывается ему традиционной историографией. Публичные лекции и инициированные ими дискуссии на страницах местных газет из очередного столкновения марксистов и областников по вопросу о перспективах капиталистического развития Сибири превращаются в этап становления новой научной области — политической экономии развития, способом презентации ученым результатов своих теоретических построений, попыткой проверить на широких слоях образованной публики объяснительную силу своей политико-экономической модели, применив ее к прошлому, настоящему и будущему Сибири. Указанная попытка если и не привела оппонентов к отказу от своих областнических убеждений, то заставила усомниться в истинности прежних политико-экономических схем, на которых они основывались, задуматься о нетождественности колониального и зависимого положения Сибири.

Ключевые слова. Политическая экономия развития, зависимое развитие, центр — периферия, П.П. Маслов, И.Г. Гольдберг, В.С. Войтинский, историография экономической науки.

Информация о статье. Дата поступления 8 октября 2024 г.; дата принятия к печати 10 декабря 2024 г.; дата онлайн-размещения 16 декабря 2024 г.

D.Ya. Maidachevsky
*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

A Page in the Disciplinary History of the Political Economy of Development in Russia: P.P. Maslov's Siberian Lectures, Irkutsk — Tomsk, 1914

Abstract. This article reconstructs an ostensibly minor event in Siberian history: the public lectures delivered in March 1914 in Irkutsk and Tomsk by the renowned journalist and economist Pyotr Pavlovich Maslov. However, when placed within the context of the disciplinary history of Russian economic science and the scholarly trajectory of its protagonist, this event takes on an entirely different significance compared to traditional historiographical interpretations. The public lectures and the debates they initiated in the pages of local newspapers transformed what was initially a routine confrontation between Marxists and regionalists over the prospects of capitalist development in Siberia into a pivotal stage in the emergence of a new scientific discipline — the political economy of development. These lectures served as both a means for the scholar to present the outcomes of his theoretical constructs and an attempt to test the explanatory power of his politico-economic model on a broad, educated audience by applying it to the past, present, and future of Siberia. While this effort did not succeed in persuading his opponents to abandon their regionalist convictions, it led them to question the validity of the existing politico-economic frameworks underpinning their views and to reflect on the non-equivalence of Siberia's colonial and dependent status.

Keywords. Political economy of development, dependent development, core — periphery, P.P. Maslov, I.G. Goldberg, W.S. Voitinsky, historiography of economics.

Article info. Received October 8, 2024; accepted December 10, 2024; available online December 16, 2024.

...Маслов — наиболее сильный <...> теоретик того из наших направлений, которое известно под названием марксистского или социал-демократического; это несомненно, серьезный исследователь, не довольствующийся притом повторением задов, а стремящийся идти и, во многом, идущий своими собственными путями.

А.А. Кауфман

Введение

Настоящая статья посвящена событию предельно малому, местному, скоротечному, что не означает, однако, малозначимому. Таковым его сделали, скорее, историки, обращавшиеся в своих сочинениях к его рассмотрению под строго определенным углом зрения — как составляющей полемики областников и марксистов (социал-демократов, «ссылки») о перспективах капиталистического развития Сибири. Тем более, что делали это, не рассматривая событие в полном его объеме (впрочем, и мы не можем гарантировать исчерпывающей полноты источниковедческого поиска), не установив всех его участников, но главное — целиком и полностью оставаясь в рамках историко-мыслительного подхода: по большей части лишь воспроизводящего позиции участников спора, а что еще печальнее, вписывающего их в уже сформировавшийся «поток мысли» — ряд дискуссий, ведшихся на страницах периодических изданий тех лет, и / или подводя под уже сложившиеся их интерпретации [1, с. 194–196]. Как результат, подобный историографический подход лишает историко-научное событие самого главного — его своеобразия, уникальности. Событие же, к которому стремится привлечь внимание настоящая статья, таковым несомненно являлось.

Одним из возможных путей преодоления указанных выше недостатков станет в статье дисциплинар-

но фокусированное изучение этого не столько политического или идеологического, сколько научного события, на чем решительно настаивал его главный, с точки зрения предпринятого нами исследования, участник — Петр Павлович Маслов (1867–1946). Снискавший после выхода в свет фундаментального двухтомника «Аграрный вопрос в России» (к 1914 г. увидело свет 4 его издания) авторитет талантливого не только исследователя аграрных проблем страны, но и экономиста-публициста, регулярно выступавшего на страницах первых марксистских журналов рубежа XIX–XX веков «Жизнь», «Начало», «Научное обозрение», Маслов вынужден был пять лет, скрываясь от тюремного заключения по политической статье, провести в эмиграции. Лишь незадолго до описываемых событий по амнистии, объявленной в честь 300-летия царствования Дома Романовых, он вернулся на родину и, можно не сомневаться, в поисках заработка откликнулся на приглашение возобновившего свою деятельность после периода реакции иркутского просветительского общества «Знание», выступившего в кооперации с двумя другими подобными организациями города — «Общедоступные курсы» и «Просвещение», прочитать публичную лекцию для жителей губернского центра.

«Лекторская группа», которая собиралась посетить Иркутск наряду с другими крупными сибирскими городами, расположенными по линии Сибирской железной дороги, как сообщала томская «Сибирская жизнь», должна была включать помимо экономиста П.П. Маслова еще литературоведов и литературных критиков (и также, как и Маслов, меньшевиков) М.П. Неведомского и В.Л. Львова-Рогачевского. Короткая газетная заметка, незамедлительно перепечатанная периодическими изданиями Иркутска, куда Маслов должен был заглянуть в начале своего сибирского турне, называла и намеченные им темы докладов: «Об экономическом положении Сибири» и «Рос-

сия и Европа»¹. Впрочем, темы докладов, с которыми лектор приехал и выступал в сибирских городах (а нам достоверно известно о посещении им только двух — Иркутска и Томска) ничего общего с ними не имели и звучали как: «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем» и «Усложнение жизни и души». Последующее наше изложение будет касаться почти исключительно первой темы и первого упомянутого города, поскольку именно в них будет поднят круг вопросов, обсуждаемых в статье.

Результаты и обсуждение

За неделю до назначенного на 11 марта 1914 г. выступления П.П. Маслова с докладом в зале Первого общественного собрания крупнейшая иркутская ежедневная газета «Сибирь» не только известила потенциальных слушателей о его претерпевших изменения темах, но и, возможно по просьбе докладчика, довела до их сведения названия основных его монографических работ: помимо уже упомянутого двухтомника «Аграрный вопрос в России» это была и последняя по времени выхода книга — «Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию»². В день доклада газета опубликовала и краткую «программу-конспект» предстоящей лекции, интересный с позиций предпринятого исследования по меньшей мере в одном отношении. Будучи посвящен преимущественно «исторической» составляющей темы, документ, несмотря на всю свою схематичность, давал недвусмысленный и отрицательный ответ на вопрос, вокруг которого формально развернется последующая дискуссия на страницах той же газеты — является

¹ Сибирское обозрение // Сибирь. 1914. 11 янв.

² Газетная заметка ошибочно ограничила название указанием только первой из этих областей знания.

³ К предстоящим лекциям П.П. Маслова // Сибирь. 1914. 5 марта.

ли Сибирь колонией? — П.П. Маслов (а в его авторстве вряд ли можно сомневаться) утверждал, что ее (Сибири) колонизация привела (в отличие от колонизации западноевропейской) к установлению органической связи колонизируемых местностей с центром государства. Раздвигающая границы государства колонизация новых земель осуществлялась не с торгово-коммерческими целями, а в целях расселения и земледельческого их освоения, в силу чего не возводила экономических, национальных и культурных границ, не закладывала тем самым основ особой социально-политической организации сибирского общества и сепаратизма⁴.

Хотя полный текст доклада П.П. Маслова, по всей видимости, не сохранился (а, может быть, и не существовал вовсе), содержание последнего нам известно благодаря публикации на страницах «Сибири» его достаточно подробного изложения. «Реферат» этот представляет и самостоятельный историко-научный интерес, поскольку принадлежит перу далеко не рядового хроникера провинциальной газеты, а более молодого коллеги Маслова не только «по партии», но и по «экономическому цеху» — Владимира Савельевича Войтинского (1885–1960), находившегося на поселении в с. Жилкино и в Иркутске после отбытия срока в Александровском центре и активно сотрудничавшего с иркутскими изданиями⁵. Несмотря на то, что В.С. Войтинский скрыл свое имя за псевдонимами («С» — в случае с рефератом доклада П.П. Маслова и «П. С-ъ» — как участник развернувшейся после его публикации дискуссии), установить принадлежность последних не составило труда с помощью словаря псевдонимов⁶. М.В. Шиловский, ссылаясь на недоступ-

⁴ Лекция П.П. Маслова // Сибирь. 1914. 11 марта.

⁵ Более подробно иркутский период жизни и творчества В.С. Войтинского как экономиста рассмотрен нами в [2; 3].

⁶ Словарь псевдонимов // Русская литература и фольклор : фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man03221.htm?cmd=2&istext=1>

ную нам публикацию В.Г. Архангельского — видного эсера, находившегося в те годы в ссылке в Иркутске, указывает к тому же на факт вхождения Войтинского в состав редакции «Сибири», наряду с рядом других ссыльных меньшевиков и эсеров, которые в те годы «под часто меняющимися псевдонимами наполняли газету своими статьями» (цит. по: [4]).

Своеобразным доказательством от противного может послужить в данном случае, пожалуй, один из авторитетнейших источников информации по теме интеллектуального противостояния марксистов и областников в вопросе о перспективах капиталистического развития Сибири — статья Н. Чужака «Ссылка и областничество» 1927 г. Строго придерживавшийся в своем изложении хронологии интеллектуальных сражений автор внезапно выбрасывает из повествования 1914 год, а вместе с ним и далеко незаурядное событие в «драках» марксистов с областничеством, каковым являлась нами рассматриваемая полемика на страницах «Сибири». По всей видимости, дело было в участниках и в содержании этой конкретной баталии. И, прежде всего, в меньшевиках, которые, по мнению автора, «вкуса к драке с областничеством, особого не проявляли», примером чему стала в статье Н. Чужака позиция В.С. Войтинского, по его словам, «издевавшегося над областничеством, но... контрабандой!» [5, с. 60]. Позиция, с одной стороны, заставившая автора статьи 1927 г. проигнорировать столь выигрышный, казалось бы, с точки зрения темы сюжет, а с другой — заставляющая уже сегодняшнего историка, предполагающего существование связи между тем и другим, искать ответ на вопрос, что же эта позиция собой представляла.

За ответом, впрочем, далеко ходить не нужно. Его внимательному читателю автор обзора доклада П.П. Маслова, которого будем теперь называть его полным именем — В.С. Войтинский, дает в первом его абзаце, в силу чего последний заслуживает быть вос-

произведенным полностью: «К своей теме П.П. Маслов подошел как теоретик-экономист, занимающийся исследованием общих законов экономического развития и обязанный выделить нечто общее и постоянное в явлениях, представляющихся сплошь и рядом невооруженному взгляду совершенно особенными и своеобразными. И весьма ценной и интересной в этой лекции является попытка дать строго-научное определение типу и формам хозяйственного развития Сибири» [6]. Другими словами, В.С. Войтинский, представляя доклад Маслова и кратко излагая его содержание на страницах газеты, как бы предупреждал слушателей / читателей о том, что воспринимать услышанное / прочитанное следует через призму теоретических представлений докладчика, той модели экономического развития, которая имплицитно присутствует в докладе и которую он использовал для объяснения политико-экономической динамики Сибири на ее пути из прошлого в будущее. И, в известном смысле, опубликовав изложение доклада, сделать, если не саму эту модель, то хотя бы логику докладчика, его аргументов и выводов, более доступными для понимания слушателей.

Тем не менее, невзирая на предупреждение В.С. Войтинского и выстроенную им в статье логику политико-экономических рассуждений П.П. Маслова, а, может быть, как раз и в результате этого, доклад последнего вызвал критическое выступление на страницах все той же газеты «Сибирь» укрывшегося под псевдонимом «Irridens» эсера-областника Исаака Григорьевича Гольдберга (1884–1938) со статьей «Сибирь в освещении П.П. Маслова». И острое его критики было направлено как раз в сторону присутствовавшего, на его взгляд, в рассуждениях докладчика «упорного преклонения пред схемой». «Ежели бы лектор не называл изредка имени Сибири, то он с таким же правом мог бы приложить свою теорию к любой окраине.

Настолько не было *живого* (курсив автора. — Д.М.) материала, не было оперирования этим живым материалом. Выходило так, что свою теорию лектор давал не на основании выводов знакомства и знания Сибири и ее экономики, но что все особенности общественно-экономического уклада страны висели где-то вне этой теории» [7]. Другими словами, в той мере, в какой И.Г. Гольдберг видел возможным использование теорий, построенных исключительно путем обобщения эмпирического, отражающего сибирские реалии (в том числе и исторические) материала, в той же степени он отказывал докладчику в праве прибегнуть к «априорной теории», построенной на принципе «достаточного основания».

Нам уже доводилось писать о том, что после выхода в свет в 1910 г. написанной в эмиграции книги «Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию» (той самой, которая выступала «визитной карточкой» в газетном анонсе его лекции) П.П. Маслов позиционировал себя в качестве теоретика экономического развития, призывая искать исходные установки созданной им модели последнего в своих предшествующих трудах [8]. Проблема развития трактовалась им в широком смысле как проблема экономической модернизации, то есть качественных изменений хозяйства (его отношений, структуры, форм организации и т.д.), а в узком — как проблема «превращения народного хозяйства, занятого почти исключительно земледелием, в капиталистическое-индустриальное», или «врастания новых хозяйственных отношений в старые, докапиталистические» [9, с. 4–5]. В своей работе он определил теорию экономического развития в качестве «необходимого введения» в политическую экономию, служащего «основанием» для последующих ее построений в рамках традиционно выделяемых разделов производства, распределения, обмена и потребления.

В рамках создаваемой модели, которая будет им в дальнейшем совершенствоваться⁷, фактором, определяющим «превращение одних хозяйственных отношений в другие» (как процесса, сопровождающего хозяйственную деятельность людей, мотивированных стремлением к экономии энергии), выступало развитие производительных сил. В свою очередь, характер и направления развития производительных сил и, соответственно, форм / способов организации хозяйственной деятельности («систем хозяйства») задавались ростом численности населения и «фактом падения производительности затрат на землю». При этом, развитие производительных сил не отождествлялось и не сводилось П.П. Масловым исключительно к технико-технологическим в них переменам. Более того, изменения в технике и организации производства, хотя и фиксируются, остаются в его построениях в тени процессов распределения и перераспределения производительных сил населения, динамика которых задается упомянутым выше принципом «достаточного основания» (фактически, рационального, максимизирующего поведения людей) — падения производительности последовательных затрат на землю.

В соответствии с указанным принципом, с позиций которого экстенсивная земледельческая культура выглядит предпочтительнее интенсивной, ибо демонстрирует более высокую степень производительности труда, большее количество продукта, получаемого на затраченную его единицу, исследователь рассматривал смену систем хозяйства на протяжении всей человеческой истории. В ходе последней «падение производительности последовательных затрат побуждало к перераспределению производительных сил между

⁷ В частности, П.П. Маслов в дальнейшем обратится, например, к анализу связи между развитием производительных сил и характером (производительным и непроизводительным) потребления, с одной стороны, а также «степенью» производительного накопления в обществе, с другой [10].

плотно и редко населенными странами, так как принцип экономии труда толкал производительные силы общества к добыванию тех продуктов, при производстве которых в данных условиях труд был наиболее производителен... Таким образом создается разделение труда между отдельными странами, вызванное различием производительности труда благодаря естественным условиям» [9, с. 332]. Процесс, начавшийся, по мнению П.П. Маслова, еще в каменную эпоху, достиг апогея в капиталистическую, когда перераспределение производительных сил между плотно и редко населенными территориями вышло за рамки национальных границ и стало, содействуя развитию обмена между странами, условием рождения мирового хозяйства.

Вследствие разделения труда между территориями / странами и перераспределения производительных сил, полагал исследователь, происходит и перераспределение между ними населения — перенесение центра тяжести земледелия в реже населенные страны (чаще всего — в колонии) и переселение туда земледельцев, подвижных большей производительностью экстенсивного хозяйства. «Перераспределение производительных сил между странами, расширение земледелия в новых странах и относительное его сокращение в старых и передвижение земледельческого населения в реже населенные страны, — это два явления, которые временно обуславливают друг друга и тесно связаны» [9, с. 334]. На всех этапах развития, включая капиталистический, по мнению П.П. Маслова, население стремилось к переселению, а точнее — к расселению, чтобы не переходить к интенсивному хозяйству, к чему побуждал рост его численности.

Обратил внимание исследователь и на те явления в процессе развития международного разделения труда, которые трудно назвать новыми (они были отмечены уже, например, К. Марксом), но которые, по сло-

вам П.П. Маслова, «происходили и будут происходить в будущем». Речь идет о том, что складывавшееся международное капиталистическое разделение труда отвечало потребностям основных промышленных стран и превращало одну часть земного шара в преимущественно сельскохозяйственную область производства для снабжения другой части, которая оставалось преимущественно промышленной. «По мере развития капитализма происходит разделение труда не только между индустрией и земледелием внутри страны, но и между различными странами. При этом индустриальная страна сокращает количество земледельческих рабочих и увеличивает количество индустриальных для того, чтобы получить в обмен [на промышленные изделия] из районов экстенсивного хозяйства земледельческие продукты» [9, с. 365].

Модель экономического развития, в основание которой ее автор положил принцип падающей производительности затрат на землю, вызвала неоднозначную, чаще критическую, реакцию отечественного сообщества экономистов. Особо критически были настроены соратники, однопартийцы, усмотревшие в его построениях отступление от буквы марксизма, и, в свою очередь, получившие от П.П. Маслова прозвище «сверхортодоксальных» марксистов, чьи головы начинены «только цитатами из “Капитала”» [9, с. 374]. На страницах меньшевистского журнала «Наша заря» в 1910–1911 гг. вокруг его построений даже развернулась полемика «об основных вопросах марксизма», подводя итог которой, ставший позднее именовать себя (подчеркивая тем самым неортодоксальный характер своих марксистских построения) «марксистом-табашником», П.П. Маслов писал: «Застой и самодовольство в экономической науке не так-то легко уничтожить, но серьезное и внимательное отношение к моей попытке со стороны марксистов показывает, что только в этом лагере есть живые элементы, которые окажутся

способными к дальнейшему критическому развитию общественной науки. Нужно только из области схоластики перейти к изучению живой действительности» [11, с. 34].

Не будет ошибкой, поэтому, предположить, что и поездка П.П. Маслова в Сибирь, и выбор им темы публичной лекции были обусловлены стремлением, с одной стороны, более широко представить результаты своих научных построений, а, с другой, испытать на более широких кругах образованной публики объяснительную силу своей политико-экономической модели, применив ее к прошлому, настоящему и будущему близкой и знакомой ей страны с названием Сибирь. Конечно же, не случайным был в этой связи и выбор Иркутска и Томска — культурной и университетской ее «столиц» соответственно. Однако, хотя в появившихся на страницах местных газет откликах на состоявшуюся лекцию и звучали слова благодарности в адрес лектора как отозвавшегося «...на кардинальный вопрос сибирской жизни, давно выдвинутый сибирской общественной мыслью — вопрос о взаимоотношении экономических интересов Сибири и метрополии и положении Сибири в процессе общего развития мирового хозяйства», и тем придавшего новый импульс его теоретической разработке [12], в целом направление и ход обсуждения поднятых П.П. Масловым вопросов задавались областнически настроенной интеллигенцией этих городов, уводившей его в плоскость, если и не политико-экономического сепаратизма, то критики колониально / окраинной политики метрополии / центра (помимо вышеназванного И.Г. Гольдберга [13; 14], представлявшего Иркутск, следует упомянуть и томича Михаила Бонифатьевича Шатилова (1882–1937) [15; 16]).

Точку зрения П.П. Маслова разделяли и поддерживали уже упоминавшийся нами В.С. Войтинский [17; 18], а в Томске — Валентин Евгеньевич Воложа-

нин (1878 — нач. 1970-х) [19]. Сам Маслов в дискуссию предпочел не вмешиваться, ограничившись открытым письмом в редакцию газеты «Сибирь» (фактически, своему оппоненту, последнюю на тот момент возглавлявшему), озаглавленным «Можно ли говорить о Сибири?», имея в виду возможность вести разговор о Сибири с аудиторией способом, избранным им для своей публичной лекции и не устроившим оппонента. Содержало письмо также ряд уточнений и дополнений, призванных не только укрепить объясняющие возможности его модели развития, но и расширить их. В частности, за счет рассмотрения «...того положения, которое занимает Сибирь в процессе общего развития мирового хозяйства» [20], что позволяло, вдобавок, продемонстрировать универсализм теоретических построений. (Судя по краткому изложению содержания лекции, прочитанной 25 марта 1914 г. уже в Томске, и опубликованному на страницах «Утра Сибири», П.П. Маслов внесет коррективы в ее структуру по сравнению с иркутским вариантом, не просто начав выступление с характеристики места Сибири в мировом хозяйстве, а организовав весь ее материал (и исторический и современный) под данным углом зрения: «Лекции о Сибири могут быть очень обширны и разнообразны. Я же буду рассматривать Сибирь только как часть мирового хозяйства» [21].)

Как же выглядело политико-экономическое развитие Сибири в свете модели П.П. Маслова? Вопрос тем более интересный, что в монографии 1910 г., которую он не преминул упомянуть в своем открытом письме, страна / колония Сибирь использовалась лишь в качестве одного из примеров (наряду с Канадой, Австралией или Североамериканскими штатами), призванных иллюстрировать те или иные, выдвинутые им теоретические положения, а в лекции уже последние должны были найти применение почти исключительно для объяснения пути, которым Сибирь

двигалась из прошлого в будущее. Упреки оппонента — И.Г. Гольдберга — в схематизме изложения и отрывочном («случайном и бессистемном») характере привлечения сибирского, будь то исторического или современного материала, П.П. Маслов отвел ссылкой на обывательское восприятие поднятой им в научном ключе проблемы и неподготовленность слушателей: «Многие обыватели, не обладая достаточным запасом знаний, никогда не удовлетворяются постановкой вопроса, требующей от слушателя известного минимума знаний» [20]. В силу чего, однако, идя навстречу аудитории, вынужден был прибегать к простым и доступным приемам и методам аналогии, сравнения, помещая Сибирь в общеисторический поток развития мирового хозяйства.

Как уже отмечалось, колонизация Сибири, по мнению П.П. Маслова, внешне напоминая осуществлявшуюся одновременно западноевропейскими странами за пределами евразийского континента, в корне — своими экономическими мотивами — отличалась от нее, и своим ходом, и своими результатами, закономерно приведя к установлению органической связи колонизируемых местностей с центром страны. Территориальная экспансия, осуществлявшаяся Россией как еще феодальным по своей природе государством, раздвигая его границы, осуществлялась не с торгово-коммерческими, капиталистическими целями⁸, а в целях расселения и земледельческого освоения новых территорий — «в погоне за наиболее производительным земледельческим трудом», в силу чего не

⁸ Колонии западноевропейских стран, считал П.П. Маслов, «...отделены от Европы не только океаном, но и различием интересов. Колонии были объектом эксплуатации со стороны торгового класса метрополии. Переселения в колонии беднейших классов населения происходили уже тогда, когда отношения метрополии и колонии определились. Поэтому даже в колониях, заселенных переселенцами из метрополии, развивается сепаратизм и особенно социально-политических интересов» (Лекция П.П. Маслова // Сибирь. 1914. 11 марта).

возводила экономических, национальных и культурных границ, не закладывала, тем самым, основ особой социально-экономической и политической организации сибирского общества и будущего сепаратизма. Невысокие темпы земледельческого освоения сибирских пространств всецело определялись невысокими же темпами роста численности населения в центральных областях России. Обусловливаемое ими падение производительности последовательных затрат труда на землю, делающее привлекательным большую производительность экстенсивного хозяйства в Сибири, наталкивалось на низкую мобильность населения в условиях господства крепостного права.

Массовый характер переселение («переселенческая волна», по Маслову) в Сибирь, движимое ростом численности населения и обусловленным им падением производительности затрат на землю в Европейской России, приняло лишь в конце XIX века, став зримым проявлением вытеснения докапиталистических отношений капиталистическими. К этому времени Россия, по мнению П.П. Маслова, являлась в значительной степени (по количеству вывозимого сырья) колонией / периферией Западной Европы. Сибирь же, с его точки зрения, находилась в еще большей степени зависимости от европейского (прежде всего, российского) капитала, являясь, если использовать современную терминологию, «периферией периферии». Она наглядно демонстрировала тот путь развития, который впоследствии назовут путем «зависимого развития», в силу того, например, что вынуждена была вести большую часть своей торговли с «центром», не имея возможности развивать торговые отношения в ином направлении. Ее территория эксплуатировалась для получения сырья, наиболее востребованного «центром» или для собственного его потребления, или для вывоза за пределы страны. Ключевую роль в зависимом развитии

Сибири, по мнению П.П. Маслова, играла в прошлом и продолжает играть в настоящем отдаленность ее от крупных торгово-промышленных центров, сконцентрированных в европейской части страны, наглядно иллюстрируемая крайне медленным переходом от «портативных» и ценных (золото, пушнина, шкуры и др.) к тяжелым и менее ценным (хлеб) продуктам, добываемым и вывозимым ею. Фактически, исследователь своими рассуждениями, подводил слушателей к выводу о том, что колониальное и зависимое положение — не одно и то же, и, хотя между ними может существовать историческая преемственность, они не идентичны.

Земледельческое переселение в Сибирь начинает приносить свои плоды лишь в начале XX в. Количество производимого хлеба превышает потребительскую норму, что влечет за собой накопление капитала. Затраты капитала начинают обеспечивать более высокую прибыль, благодаря чему Сибирь привлекает не только внутренний капитал, но и сторонний, «русский». Начинается крайне медленный, что обусловлено отсутствием внутреннего рынка, переход к более высокой стадии экономического развития, связанной с переработкой сырья (мукомольное, кожевенное, маслодельное производства и др.). Это, однако, не отменяет ее зависимого положения в народном хозяйстве страны: «...интересы собственно Сибири мало или почти совсем не занимают места в общей национальной политике, что Сибирь лишена даже того, что имеет Европейская Россия» [20]. И с тем, чтобы более наглядно продемонстрировать это зависимое развитие с позиций выработанных теоретических посылок П.П. Маслов предлагает изменить фокус рассмотрения, поместив Сибирь в рамки «процесса общего развития мирового хозяйства», который ярко обозначил бы ее статус, ранее нами определенный как «периферия периферии».

В качестве примера им была выбрана столыпинская аграрная реформа, призванная решить проблему перенаселенности и малоземелья в европейской части страны, что, если обсуждать ее в терминах выработанной им модели, вызывало падение производительности последовательных затрат труда на землю и рост хлебных цен, оплачивавших менее производительные затраты труда и капитала. Это, в свою очередь, делало выгодным привоз хлеба из отдаленных районов экстенсивного земледелия, поскольку издержки провоза окупались возросшей его ценой. Однако, реформа сопровождалась переселением, стремлением умножить земледельческое население Сибири, насаждением интенсивного хозяйства европейского типа и сокращением наделов старожилов. «Если рассматривать развитие сельского хозяйства Сибири, — рассуждал П.П. Маслов, — *в связи с разрешением мирового товарообмена* (курсив наш. — Д.М.)⁹, то будет ясно, что пока не развился внутренний рынок в Сибири, цены на хлеб в ее хлебородных районах, поставляющих хлеб на мировой рынок, должны быть (на месте) почти вдвое ниже, чем на мировом рынке вследствие дальности провоза. А при таких условиях возможно только экстенсивное земледельческое хозяйство и требуются очень большие наделы для поддержания земледельческого хозяйства на надлежащем уровне» [20]. Чему, со всей очевидностью, переселенческая политика правительства противодействовала.

Выводы и заключение

В своей публичной лекции П.П. Маслов (в той мере, в какой нам известно ее содержание) не нарисовал радужных перспектив экономического развития Сибири, ограничившись выводом о том, что в ходе

⁹ Имея в виду, по всей видимости, тот факт, что «центр» обладает монополией на международное взаимодействие и вряд ли стоит рассчитывать на его действия в интересах «периферии».

этого процесса она двинется вперед по общему с европейской частью России пути становления капиталистической системы хозяйства. Мы бы добавили — по одному с ней пути зависимого, периферийного капиталистического развития, когда хозяйственные процессы являются частью процессов воспроизводства (накопления капитала) «центра», будь то Центральная Россия или страны Западной Европы. Модель экономического развития, предложенная Масловым, не предусматривала иных перспектив. На начальном этапе капиталистического развития, на котором находилась Сибирь, речь, по мнению П.П. Маслова, можно было вести лишь о темпах, которыми будет развиваться эксплуатация естественных ее богатств. Последние же зависели от: роста плотности населения, развития внутреннего рынка, масштабов и темпов накопления капитала.

Решила ли лекция поставленные П.П. Масловым задачи презентации результатов своих научных построений, своей модели развития и тестирования ее объяснительных возможностей на материалах Сибири? Если судить по реакции такого «предвзятого свидетеля» как И.Г. Гольдберг, то — лишь отчасти. В своем открытом письме в редакцию газеты «Сибирь», которое станет и ответом на такое же письмо П.П. Маслова, и подведет черту под развернувшейся на ее страницах полемике, он не только не снимет обвинений последнего в схематизме и оторванности его рассуждений от сибирской действительности, но усилит их критикой в адрес прозвучавших со стороны «заезжего гастролера» упреков в неподготовленности местной аудитории к их восприятию, ее «некультурности» (во многом, думается, критикой справедливой, поскольку на «научное самодовольство» и «высокомерное презрение» Маслова, с которыми тот втолковывал читателям / аудитории «самые азбучные положения», указывали даже высоко

ценившие его творчество рецензенты [22, с. 40–41]). «Что это за аристократизм знаний такой, что считается только с избранными — с “культурною аудиторией”, обладающей “минимумом знаний”, для которых сумма данных о Сибири “общеизвестна”? ... [Д]ля г. Маслова, очевидно, безразлична неудовлетворенность рядовых слушателей. Они, по его мнению, обыватели, сиречь люди, внимания ученых не заслуживающие» [14].

Тем не менее, едва ли не по ключевому с точки зрения ожиданий слушателей вопросу, вокруг которого развернулась и последующая дискуссия на страницах газеты «Сибирь», — является ли Сибирь колонией, опиравшиеся на теоретические построения аргументы П.П. Маслова оказались, по крайней мере для И.Г. Гольдберга, убедительными. И дело даже не в сопровождавшихся множеством оговорок его словах: «Может быть, с точки зрения точной экономической науки, привыкшей быть осторожной с терминами и определениями, Сибирь вовсе и не является колонией в узком смысле этого слова, скорее всего, что это так». Куда более важным представляется нам вопрос, который в этой связи был им поставлен: «Следовательно, каждая менее развитая, каждая более отсталая страна, выходит по лектору, является колонией для страны с высшим типом капиталистического развития. Где же тогда особенности, которые экономическая наука приучила нас видеть во взаимоотношениях колонии к метрополии? По г. Маслову, можно подумать, что их нет» [7]. Вопрос, который не просто говорил в пользу модели развития П.П. Маслова, но выводил ее на новый уровень политико-экономических обобщений, вместе с тем повышая значимость рассмотренного нами в статье историко-научного события — публичных лекций П.П. Маслова, прочитанных им в сибирских городах в марте 1914 года.

Последовавшие вскоре трагические для страны и мира события не прервут занятий П.П. Маслова теорией экономического развития, а напротив, напитают ее «тяжким социальным опытом войны и революции». И судьбе угодно будет распорядиться, чтобы местом, где эта теоретическая модель начнет обретать новые очертания, возьмет новые направления своего развития, вновь стали Сибирь и Иркутск. Но, это будет уже совсем другая страница истории науки.

Список использованной литературы

1. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. / М.В. Шиловский. — Новосибирск : Сова, 2008. — 270 с. — EDN TGJWYJ.
2. Майдачевский Д.Я. История одного исследовательского проекта: В.С. Войтинский, Иркутск, 1915–1917 гг. / Д.Я. Майдачевский. — EDN RSHGJR // Историко-экономические исследования. — 2008. — Т. 9, № 2. — С. 61–84.
3. Майдачевский Д.Я. Социально ответственный интеллектуал. К 125-летию со дня рождения В.С. Войтинского / Д.Я. Майдачевский. — EDN NUEZLV // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2010. — № 2. — С. 164–169.
4. Шиловский М.В. Литературный псевдоним Irridens. Исаак Григорьевич Гольдберг / М.В. Шиловский. — EDN TNUYEL // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сб. биограф. очерков / отв. ред. А.К. Кириллов. — Новосибирск, 2007. — С. 173–179.
5. Чужак Н. Ссылка и областничество / Н. Чужак // Сибирская ссылка / ред. Н. Чужак. — Москва, 1927. — Сб. 1. — С. 51–87.
6. С. [Войтинский В.С.]. «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем». (Лекция П.П. Маслова) / С. [В.С. Войтинский] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 13 марта.
7. Irridens [Гольдберг И.Г.]. Сибирь в освещении П.П. Маслова. (Несколько слов по поводу его лекции о Сибири) / Irridens [Гольдберг И.Г.] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 16 марта.
8. Майдачевский Д.Я. Осмысливая опыт войны и революции, или «Экономическая наука из Читы»: П. П. Маслов, 1918–

1922 / Д.Я. Майдачевский. — EDN YUJLTC // Экономическая история. — 2018. — Т. 14, № 1. — С. 73–87.

9. Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства: введение в социологию и политическую экономию / П.П. Маслов. — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1910. — VIII, 380 с.

10. Майдачевский Д.Я. Нэп с народнохозяйственной точки зрения: П.П. Маслов, Иркутск — Чита, 1920–1922 гг. / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(3).508-535. — EDN QNYOAG // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 3. — С. 508–535.

11. Маслов П. Об «основных вопросах марксизма» / П. Маслов // Наша заря. — 1911. — № 1. — С. 26–37.

12. Шатилов М. Прошлое, настоящее и будущее Сибири (окончание) / М. Шатилов // Сибирская жизнь. — Томск, 1914. — 2 апр.

13. Irridens [Гольдберг И.Г.]. Действительность и теория. (Еще по поводу лекции П.П. Маслова) / Irridens [Гольдберг И.Г.] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 21 марта.

14. Irridens [Гольдберг И.Г.]. Обывательское ли? (Письмо в редакцию) / Irridens [Гольдберг И.Г.] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 25 марта.

15. Шатилов М. Прошлое, настоящее и будущее Сибири (начало) / М. Шатилов // Сибирская жизнь. — Томск, 1914. — 28 марта.

16. Шатилов М. Прошлое, настоящее и будущее Сибири (продолжение) / М. Шатилов // Сибирская жизнь. — Томск, 1914. — 1 апр.

17. П. С-ъ [Войтинский В.С.]. Экономика и политика в рассуждениях г. Irridens'a / П. С-ъ [В.С. Войтинский] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 19 марта.

18. П. С-ъ [Войтинский В.С.]. Необходимое объяснение. (Ответ г. Irridens'у) / П. С-ъ [В.С. Войтинский] // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 25 марта.

19. Воложанин В. Сибирские областники и П.П. Маслов / В. Воложанин // Утро Сибири. — Томск, 1914. — 25 марта.

20. Маслов П. Можно ли говорить о Сибири? / П. Маслов // Сибирь. — Иркутск, 1914. — 22 марта.

21. М. Лекция П. Маслова / М. // Утро Сибири. — Томск, 1914. — 27 марта.

22. Кауфман А. Попытка построения теории развития народного хозяйства / А. Кауфман // Русская мысль. — 1913. — № 1. — С. 40–45. — Рец. на кн.: Маслов П.П. Теория развития

народного хозяйства: введение в социологию и политическую экономию. Санкт-Петербург, 1910. VIII, 380 с.

References

1. Shilovskii M.V. *Siberian Regionalism in the Socio-political Life of the Region in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century*. Novosibirsk, Sova Publ., 2008. 270 p. EDN: TGJWYJ.
2. Maidachevskiy D.Ya. History of an Research Project. V.S. Voitinsky. Irkutsk, 1915–1917. *Istorikoekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2008, Vol. 9, no 2, pp. 61–84. (In Russian). EDN: RSHGJR.
3. Maidachevsky D.Ya. An Intellectual with Social Awareness. Devoted to the 125th Anniversary from the Date of V.S. Voytinskiy's Birth. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2010, no. 2, pp. 164–169. (In Russian). EDN: NUEZLV.
4. Shilovsky M.V. Literary Alias Irridens. Isaac Goldberg. In Kirillov A.K. (ed.). *Personality in the History of Siberia of the 18th – 20th Centuries. Collection of Biographical Essays*. Novosibirsk, 2007, pp. 173–179. (In Russian). EDN: TNUYEL.
5. Chuzhak N. Exile and Regionalism. In Chuzhak N. (ed.). *Siberian Exile*. Moscow, 1927. Coll. 1, pp. 51–87. (In Russian).
6. S. [Voitinskii V.S.]. "Siberia in the Past, Present, and Future" (P.P. Maslov's Lecture). *Sibir' = Siberia*. Irkutsk, 1914, March 13. (In Russian).
7. Irridens [Gol'dberg I.G.]. Siberia Through the Lens of P.P. Maslov. (A Few Words Regarding His Lecture on Siberia). *Sibir' = Siberia*. Irkutsk, 1914, March 16. (In Russian).
8. Maidachevsky D.Ya. Reflecting on the Experience of War and Revolution, or "Economic Science from Chita": P. Maslov, 1918–1922. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic History*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 73–87. (In Russian). EDN: YUJLTC.
9. Maslov P.P. *Theory of the Development of the National Economy: Introduction to Sociology and Political Economy*. Saint Petersburg, V. Bezbrazov i Ko Publ., 1910. 380 p.
10. Maidachevsky D.Ya. The New Economic Policy from the National Economy Perspective: Petr Pavlovich Maslov, Irkutsk – Chita, 1920–1922. *Istorikoekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 3, pp. 508–535. (In Russian). EDN: QNYOAG. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(3).508-535.

11. Maslov P. On "The Fundamental Questions of Marxism". *Nasha zarya* = *Our Dawn*, 1911, no. 1, pp. 26–37. (In Russian).
12. Shatilov M. Siberia's Past, Present, and Future (Conclusion). *Sibirskaya zhizn'* = *Siberian Life*. Tomsk, 1914, April 2. (In Russian).
13. Irridens [Gol'dberg I.G.]. Reality and Theory. (Further Reflections on P.P. Maslov's Lecture). *Sibir'* = *Siberia*. Irkutsk, 1914, March 21. (In Russian).
14. Irridens [Gol'dberg I.G.]. Is It Bourgeois? (Letter to the Editor). *Sibir'* = *Siberia*. Irkutsk, 1914, March 25. (In Russian).
15. Shatilov M. Siberia's Past, Present, and Future (Beginning). *Sibirskaya zhizn'* = *Siberian Life*. Tomsk, 1914, March 28. (In Russian).
16. Shatilov M. Siberia's Past, Present, and Future (Continuation). *Sibirskaya zhizn'* = *Siberian Life*. Tomsk, 1914, April 1. (In Russian).
17. P. S-" [Voitinskii V.S.]. Economy and Politics in the Arguments of Mr. Irridens. *Sibir'* = *Siberia*. Irkutsk, 1914, March 19. (In Russian).
18. P. S-" [Voitinskii V.S.]. A Necessary Explanation. (Response to Mr. Irridens). *Sibir'* = *Siberia*. Irkutsk, 1914, March 25. (In Russian).
19. Volozhanin V. Siberian Regionalists and P.P. Maslov. *Utro Sibiri* = *Morning of Siberia*. Tomsk, 1914, March 25. (In Russian).
20. Maslov P. Can We Speak About Siberia? *Sibir'* = *Siberia*. Irkutsk, 1914, March 22. (In Russian).
21. M. P. Maslov's Lecture. *Utro Sibiri* = *Morning of Siberia*. Tomsk, 1914, March 27. (In Russian).
22. Kaufman A. An Attempt to Construct a Theory of National Economic Development. *Russkaya mysl'* = *Russian Thought*, 1913, no. 1, pp. 40–45. (In Russian).

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>; SPIN-код: 9241-2241; AuthorID ПИНЦ: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Fed-

ration; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>; SPIN-Code: 9241-2241; AuthorID RCSI: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. Страница дисциплинарной истории политэкономии развития в России: сибирские лекции П.П. Маслова, Иркутск — Томск, 1914 г. / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(4).652-676. — EDN FTLSSC // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 652–676.

For Citation

Maidachevsky D.Ya. A Page in the Disciplinary History of the Political Economy of Development in Russia: P.P. Maslov's Siberian Lectures, Irkutsk — Tomsk, 1914. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 4, pp. 652–676. (In Russian). EDN: FTLSSC. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(4).652-676.